УДК: 316.75 DOI: 10.12737/22699

ХРОНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

***Горин Д.Г.*[1]**

В статье рассматриваются особенности политического времени и его проявления в идеологических доктринах, характерных для российской политической культуры. Хронополитический анализ идеологического сознания включает интерпретацию соотношения застойного и мобилизационного, цикличного и линейного времени, выявление ориентации на прошлое, настоящее, будущее. Эти проблемы рассматриваются в контексте парадигмы «модерн – постмодерн». Особое внимание уделяется феномену «реального времени» и проблеме разрывов между идеалами, вынесенными в долгосрочную перспективу и краткосрочными задачами. Автор приходит к выводу, что научная значимость хронополитики обусловлена динамизмом современного политического процесса и масштабностью трансформаций идеологического сознания.

Ключевые слова: хронополитика, идеология, политическое время, модерность, «реальное время».

CHRONOPOLITICAL ANALYSIS OF TRANSFORMATION OF THE IDEOLOGICAL CONSCIOUSNESS

GORIN D. G. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

The article reviews some special aspects of political time and its manifestation in ideological doctrines which typical for Russian political culture. The chronopolitical analysis of the ideological consciousness includes the interpretation of correlation between stagnant and mobilized time, circular and linear time and orientation towards the past, present, future. These problems are considered within the paradigm “modernity – postmodernity“. An increased focus is put on the phenomenon of “real time” and on the problem of disparity between long-term prospect ideals and short-term objectives. The author comes to the conclusion, that the scientific significance of chronopolitics is conditioned by dynamism of the modern political process and the dimensions of ideological consciousness transformations.

Keywords: chronopolitics, ideology, political time, modernity, “real time”.

Горин Дмитрий Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1; e-mail: dm.gorin@mail.ru

В российской политической науке хронополитика остается малоразработанной областью, включающей в себя разные и часто противоречащие друг другу подходы (от определения хронополитики как дополнительной к геополитике области знаний до изучения политического времени по аналогии с исследованиями времени других систем – социальных, биологических, физических и т.п.). В данной статье хронополитика рассматривается в русле политической когнитивистики. Политическое время в этом случае исследуется как один из фундаментальных параметров когнитивных структур, носителями которых являются субъекты политических процессов.

Функционирующие в публичной политике идеи, представления, убеждения, ценности, идеалы, идеологические доктрины рассматриваются в рамках политической когнитивистики как взаимосвязанные элементы относительно целостных систем мысли. Например, П. Сабатье, анализируя причины влияния экологической политики вопреки мощному сопротивлению промышленников, обосновывает тезис о целостном характере мировоззренческих систем. Выступая против чрезмерной жесткости теории рационального выбора, он показывает, что обсуждение и разрешение политических проблем часто возникают из конфликта между группами акторов, однако мобилизуются эти группы не столько для отстаивания осознанных интересов, сколько для удовлетворения стремлений, вытекающих из системы общих взглядов[1]. Такие системы взглядов в публичной политике функционируют не как риторические инструменты или способы оправдания каких-либо действий, а в качестве проявления «политических парадигм». Так, развивая куновское понятие «парадигма»[2], П. Холл описывал смену политических парадигм в макроэкономической политике Великобритании и Франции в 197080–е гг.[3].

Время, способы его кодирования и переживания представляют собой фундаментальный фактор, определяющий особенности целостных систем мысли. К таким «парадигмальным» системам мысли, функционирующим в публичной политике, относятся прежде всего идеологические системы. Анализ трансформации таких систем на основании эвристического потенциала хронополитики представляет существенный интерес и позволяет уменьшить заметный дисбаланс между существенным опытом исследования времени в философском и социально-гуманитарном знании, с одной стороны, и недостаточным использованием этого опыта в политических исследованиях – с другой.

Идеологическое мышление, как в свое время показал Н. Луман, основано на ментальной возможности соотнесения существующей «реальности» с внешним по отношению к ней воображаемым идеалом. Здесь, кстати, уместно будет напомнить, что одним из главных элементов содержания научных парадигм у Т. Куна, так же, как и парадигм, функционирующих в публичной политике, является метафизическое видение мира. О подобном метафизическом видении применительно к идеологическому сознанию речь идет и у Н. Лумана. Но идеология, постулируя воображаемый идеал, соотносит его не с действительностью, а со временем: «темпорализация и идеологизация в известной мере выручают друг друга там, где речь идет о компенсации утери реальности»[4]. Феномен такого

[1] Sabatier P.A., Jenkins-Smith H. Policy Change and Leaning: An Advocacy Coalition Approach. – Boulder (Colo.): Westview Press, 1993.

[2] Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, Ермак, 2003.

[3] Hall P. Governing the Economy: The Politics of State Intervention in Britain and France. – Cambridge: Polity Press, 1986; Hall P. Policy Paradigms, Social Leaning and the State: The Case of Economic Policy-Making in Britain // Comparative Politics. – 1993. – № 25(3).

[4] Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991. – С. 203.

темпорального смещения, характерного для любого идеологического мышления, требует особого анализа.

Каждая из действующих в обществе идеологических систем воспроизводит свои способы достижения политического идеала, содержащего в себе высшие смыслы политической деятельности. Характер этих смыслов детально исследован и очевидным образом вытекает из сути соответствующих идеологий, поэтому оставим их описание в стороне. С точки зрения хронополитического анализа интереснее остановиться на другом аспекте идеологического сознания – исследовании особенностей локализации идеала по отношению к действительности и, соответственно, обоснования путей его достижения. Столкновение консервативных, либеральных, социал-демократических и других идеологических систем может быть описано, таким образом, с точки зрения особенностей кодирования времени.

В частности, существует два принципиально различных способа соотнесения пути достижения идеала с историческим временем. С одной стороны, этот путь можно вписать в историческую длительность; с другой его можно проложить как бы «в обход» истории (по аналогии, например, с утопическим мышлением или с мышлением, характерным для религиозных концепций хилиазма). В европейской политике в результате длительной идеологической борьбы утопические представления об идеальном обществе постепенно встраиваются в социально-исторический процесс, а напряженность между идеалом и действительностью разрешается на основе укрепления институциональных возможностей реализации идеальных критериев в политической деятельности. Такая эволюция объясняется тем, что в западной политической культуре различные идеологические системы (при всем их разнообразии) ощутили на себе влияние идеи прогрессивного исторического развития, которая возникает в результате хитросплетений эволюции христианства и европейского рационализма. Идея прогресса позволяла не просто переносить идеал в далекое (и, возможно, даже недостижимое) будущее, но прокладывать путь к нему в логике исторической эволюции.

Например, в либерализме идеал представляет собой, по словам К. Манхейма, «то парящее над нами “иное царство”, которое, будучи воспринято нашей духовной настроенностью, одухотворяет нас»[1]. Идеал в этой системе мысли не требует революционного разрушения действительности, а выступает в качестве источника тех образцов, которые являются своеобразными критериями оценки общественной эволюции. Либеральная идеология таким образом ищет способ примирения идеальных представлений с необходимостью изменять и преобразовывать действительность. В борьбе с либералами европейские социал-демократы усвоили культуру эволюционизма, вытеснившую утопическую мечту о рождении нового мира на пепелище старого. Представления об идеале постепенно примирялись с необходимостью длительного и кропотливого преобразования общества. Освобождение социалистической идеи от утопической веры в возможность установления тысячелетнего «царства справедливости» после «конца истории» было связано, в частности, с полемикой К. Маркса с М. Бакуниным. В целом в европейской политической культуре преобразования все больше основывались на понимании относительности различных идеалов и необходимости поиска компромисса между альтернативными типами мышления. Происходил своеобразный взаимообмен представлениями о самих критериях прогресса: социал-демократическая мечта о справедливости соединялась с либеральной идеей прав и свобод человека. И обе они укрепляли уверенность в необходимости эволюционных преобразований.

[1] Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 186.

Российские либералы и умеренные социал-демократы также стремились встроить свои представления об идеальном в русло исторической длительности. В начале XX века, – в период укрепления в России идеологических партий, П.И. Новгородцев доказывал, что связь истории с «миром горним и высшим» не в достижении «вечных и неизменных результатов», а в «неустанном стремлении к осуществлению вечного идеала». Он призывал «… отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории»[1].

Идея прогрессивной социальной эволюции была хорошо знакома российской интеллектуальной элите, которая составляла основу как либеральной партии кадетов, так и умеренных течений в социал-демократии. Однако ни либеральная, ни социалистическая идеи не соответствовали временным кодам, определявшим магистральные тенденции развития российской культуры. Обе эти идеологические системы не могли быть прочитаны и поняты широкими слоями российского общества в начале XX века. Слабость современных российских либералов, так же как и невнятность социал-демократической идеи в современной России, может быть объяснена аналогичными причинами, хотя и с некоторыми оговорками.

Российской политической культуре более характерна нечувствительность к длительному времени исторической эволюции. Это обстоятельство еще в начале XX века сталкивало российских социал-демократов не столько с зарождавшимся либерализмом буржуазных слоев, сколько с устоявшимся консерватизмом царского режима. Это повлияло на трансформацию социал-демократии в совершенно ином направлении – в направлении большевизма, во многом уникального для российской политической культуры. Как в радикальных революционных теориях, так и в консервативной утопии рисовалась «иная жизнь», оторванная от действительности и ее исторической эволюции. Для поиска социального и политического идеала в то время были характерны, по словам С. Булгакова, «известная неотмирность» и хорошо узнаваемая «эсхатологическая мечта о Граде Божием, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами)»[2].

Консерваторы помещают идеальное в само общество, которое и объявляется воплощением «всей полноты смысла». Однако такое «тавтологическое» (по Н. Луману) слияние идеала и действительности само по себе еще не снимает напряженности между ними. Поэтому необходим следующий шаг. Поскольку идеал уже воплощен, то те явления, которые в него не вписываются, объявляются в лучшем случае нехарактерными (например, привнесенными извне), а в худшем – несуществующими или недостойными существования. История в этом случае ведет лишь к утрате первоначального смысла. Идея исторического прогресса не отрицается, но прогресс оказывался как бы перевернутым. Один из основоположников русского консерватизма К. Леонтьев утверждал, что «правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны…». Историческое время, которое ведет к «таянию» России, необходимо не просто остановить, а повернуть вспять, поскольку это «таяние» только лишь «репрессивным подмораживанием, без некоторых ретроградных реформ, вполне приостановить нельзя»[3].

Если консерваторы стремились остановить историю на том основании, что она уводила человечество из счастливого «золотого века», то большевики свой «золотой век» помещали

[1] Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – С. 46–47, 33.
[2] Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 48.
[3] Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М.: Русская книга, 1992. – С. 338, 340.

не просто в будущее, к которому ведет эволюционная логика исторического прогресса, а в постисторическое будущее. Предприняв детальное исследование развития капитализма в России, В.И. Ленин понял, что отечественный капитализм слишком слаб, чтобы стать той основой, в лоне которой в обозримой исторической перспективе может зародиться не только «могильщик буржуазии», но и социалистическое сознание. И поэтому он говорил не о российском социализме, а о мировой революции, соединив коммунистическую идею с миссионерскими особенностями российской культуры и собственной версией хилиазма. Именно в России как в «слабом звене» мирового империализма, по мысли Ленина, наиболее вероятен мгновенный прорыв к иной реальности – реальности, лежащей за пределами истории и поэтому отменяющей необходимость исторического ожидания. Кодирование времени в большевистской системе мысли поддерживает постоянную готовность к счастливому мгновению (кайрос), которое открывает в историческом времени (хронос) своеобразный разлом – выход из исторического «царства необходимости» в иную реальность «царства свободы». Узнаваемые черты времени-кайрос проступают в известной ленинской формуле начала октябрьского выступления (вчера рано, завтра поздно).

Временной код, определявший трансформацию идеологического сознания в России, имел, таким образом, важную особенность. В рамках этого кода восприятие процесса исторического становления как пути осуществления идеала было проблематичным. Эта особенность до сих пор объединяет в российском политическом сознании наиболее устойчивые здесь стили мышления: консервативную утопию остановки времени или даже обращения его вспять (цикличное кодирование времени и феномен ностальгии) и большевистское ожидание внезапного прорыва к принципиально иной реальности (преобладание времени-кайрос над временем-хронос).

Современная политическая ситуация в России отличается глубоким кризисом политических идеологий. Причина, видимо, не только в том, что взаимное разоблачение разных типов идеологического мышления и уничтожение веры оппонента в силу собственных идеалов уничтожили веру в какую-либо идею вообще (о релятивизации сознания написано достаточно). Если ориентироваться на хронополитический аспект просшедших изменений, то их объяснение может быть основано на следующей гипотезе: в условиях потребительского общества воображаемый топос, который ранее был местом локализации идеала, утрачивает свое исключительное значение, а новой точкой отсчета, вокруг которой выстраивается новая картина мира, становится топос «здесь-и-сейчас». Именно «здесь-и-сейчас» возможно потребление как фундаментальный процесс потребительского общества. Следует заметить, что «здесь-и-сейчас» в культуре потребительского общества связывается не с историей (временем-хронос), а с новым типом кодирования времени, которое П. Вирилио называл «реальным временем»[1]. Это растягивающееся время встречи потребителя с объектом потребления. Черты «реального времени» хорошо узнаваемы, например, в растягивающихся на многие месяцы и даже годы сериалах и реалити-шоу, где главным оказывается не сюжетная связь прошлого-настоящего-будущего, а увлеченность актуальными событиями, в которые хаотичным образом могут втягиваться фрагменты из других времен.

Потребительские идеалы формировались еще в позднем Советском Союзе (интерес в этом смысле представляет дискурс «необходимости удовлетворения растущих потребностей советского народа» в официальных документах КПСС). Однако становление потребительского общества вплоть до начала XXI века сдерживалось сначала идеологией и дефицитом, а затем кризисом и социальными проблемами. Теперь, когда в России

[1] Вирилио П. Тирания настоящего времени // Искусство кино. – 1996. – № 1.

доминируют культурные стереотипы потребительского общества, конструирование длительного эволюционного процесса вновь становится проблематичным, но уже по другим причинам: объективированное время истории (время-хронос) утрачивает свою функцию соединения (и разъединения) идеала и актуальной действительности.

Стремление к потребительскому обустройству частной жизни требует перевода политики в новый план – план виртуального. В своей виртуализированной форме публичная политика утрачивает функцию реализации истории и служит фоном, оттеняющим повседневность, восприятие которой определяется потребительской логикой. Идеологические системы мысли уже не должны обнаруживать связь существующего мира с идеальным. Скорее наоборот, они должны обосновывать защиту мифологии потребительского комфорта от внешних катастроф. Этим, кстати, в значительной степени объясняется производство страха (доминирование в новостных лентах криминальной хроники, сообщений о катастрофах, стихийных бедствиях и т.п.). В новой ситуации страх играет функцию поддержания защищенности и автономности топоса «здесь-и-сейчас».

Но если производство чаще всего коллективно, а потребление – всегда индивидуально, то создание целостных образцов толкования действительности оказывается затруднительным. Поэтому на смену конкуренции идеологических систем мысли приходит пропаганда, призванная реанимировать легитимность власти в новых условиях. Фрагментарность и раздробленность современного публичного дискурса остается непреодолимой, особенно когда речь идет о долгосрочном целеполагании, требующем преодоления фрагментированных контекстов.

Симптомы современного идейного кризиса в России внешне напоминают симптомы кризиса идеологий на Западе. В обоих случаях угадываются характерные черты постмодерна. Но Запад, как это ни парадоксально, может противопоставить постмодерну свой опыт модерна (именно это на протяжении не одного десятилетия доказывает Ю. Хабермас[1]). Обустройство повседневной жизни представляет в современной европейской практике не только сферу частного интереса, но и процесс, по поводу которого возникает гражданская самоорганизация, диалог между локальными сообществами, группами интересов и властью, или – в терминологии Хабермаса – «коммуникативный разум», который может стать новой основой легитимации власти в разнородных жизненных мирах. В России подобный опыт недостаточно устойчив. Слияние привычного антимодерна и потребительского постмодерна здесь становится фактором, определяющим не только политическую жизнь, но и культурную ситуацию в целом.

В этих условиях особую остроту приобретает необходимость укрепления ценности долгосрочного или хотя бы среднесрочного эволюционного процесса, направленного на достижение не только привлекательного, но и внятного и реалистичного образа будущего. Очевидно, что роль хронополитики, способной влиять на кодирование и формы переживания политического времени, в решении этой задачи сложно переоценить.

Библиография/References:

1. Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991.
2. Вирилио П. Тирания настоящего времени // Искусство кино. – 1996. – № 1.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, Ермак, 2003.

[1] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь Мир, 2003.

4. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М.: Русская книга, 1992.
5. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь Мир, 2003.
9. Hall P. Governing the Economy: The Politics of State Intervention in Britain and France. – Cambridge: Polity Press. 1986
10. Hall P. Policy Paradigms, Social Leaning and the State: The Case of Economic Policy-Making in Britain // Comparative Politics. 1993 № 25(3).
11. Sabatier P.A., Jenkins-Smith H. Policy Change and Leaning: An Advocacy Coalition Approach. – Boulder (Colo.): Westview Press. 1993

1. Bulgakov, S. (1991) Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and asceticism] // Vekhi; Intelligentsiia v Rossii: Sborniki statei 1909–1910. – M.: Molodaia gvardiia. (In Russ.)
2. Virilio, P. (1996) Tiraniia nastoiashchego vremeni [Tyranny of persisting time] // Iskusstvo kino. – № 1. (In Russ.)
3. Kun, T. (2003) Struktura nauchnykh revoliutsii [The Structure of Scientific Revolutions]. – M.: AST, Ermak. (In Russ.)
4. Leont'ev, K.N. (1992) Zapiski otshel'nika [Notes of the hermit]. – M.: Russkaia kniga. (In Russ.)
5. Luman, N. (1991) Tavtologiia i paradoks v samoopisaniiakh sovremennogo obshchestva [Tautology and paradox in self-descriptions of modern society] // Sotsio-Logos [Socio-Logos]. – M.: Progress. (In Russ.)
6. Mankheim, K. (1994) Diagnoz nashego vremeni [Diagnosis of our time]. – M.: Iurist. (In Russ.)
7. Novgorodtsev, P.I. (1991) Ob obshchestvennom ideale [About public ideal]. – M.: Pressa. (In Russ.)
8. Khabermas, Iu. (2003) Filosofskii diskurs o moderne [Philosophical discourse about modernity]. – M.: Ves' Mir. (In Russ.)